

Известия —
1996. — 28
мая. — с. 6

Пару дней назад я вновь попытался перевести синхронно. Естественно, учитывая то, как завершился предыдущий опыт.

Инструментарий и методология

«Только давай договоримся о терминах», — сразу сказал я Василию Овидиевичу Горчакову. Он, кстати, нужен для опыта гораздо больше, чем я. Граждане, которые читали «Известия» год-два назад, знают его как автора видеоклонки, которую он вел вместе с одним журналистом, чье имя упомянуть не буду. А те граждане, которые не читали «Известия», но зато смотрели и смотрят различные зарубежные видеофильмы, знают этого самого Горчакова по голосу, граммотно и сочному, хотя и чуточку взволнованному. Вот эта взволнованность и заставляет меня договариваться с Василием Овидиевичем о терминах, необходимых для освещения опыта. Мы открываем его домашний бар, и я, тыча пальцами в содержимое, договариваюсь — вот это будем называть чаем, это — кофе, а это — лимонадом. Потому что описываем мы опыт синхронного перевода, а не что-то другое.

Лабораторные исследования

«Тогда, — любезно предложил Горчаков, — попьем кофе и начнем?» «Мне чаю», — вежливо поприслужився. Так мы и начали.

У Горчакова дома такой магнитофон, который мало у кого в России дома есть. Впрочем, мало кому он и нужен. Весит более 20 килограммов,

называется «JVC-BR6400-TR», а главное достоинство — раздельные дорожки. То есть по одной дорожке звучит американская нецензурная речь «fuck» и все такое, а по другой синхронно записывается горчаковский, а два раза даже и мой (Вася потом стер) грубый, но цензурный перевод «черт с вами», а иногда и просто «как ты мне надоед».

У меня с английским еще хуже, чем с турецким. Но все равно приятно выхватывать из чистой американской речи знакомые слова и целые фразы и говорить в микрофон, не слыша своего голоса. «Не слышать своего голоса — это самое главное», — объясняет Василий, попивая терпкий чай в перерыве. И действительно, собственный голос мешает речи Роберта де Ниро, Дастина Хофмана и даже Шарон Стоун, которая гораздо приятнее на звук. Раньше у Горчакова был другой магнитофон, и тогда на синхронный перевод уходило ровно столько времени, сколько длился фильм. Потому что ни переписать надиктованное, ни сделать паузу, ни вернуться назад было нельзя. Техника не позволяла. А смотреть фильм дважды не позволяли Горчакову принципы. Какой же он синхронист, если не может с лета?

А еще раньше, в 70-х, Васю Горчакова звали «на перевод» какие-то ушлые физики, наворовавшие в своих полусекретных НИИ полупрофессиональные отечественные видеомашины с бобинами. Они сажали юного Горчакова перед монстром, давали сыру, иногда колбасы и наливали то,

Как синхронно дублировать Хемингуэя, даже не выходя из дома

что мы договорились называть чаем, кофе и лимонадом. Горчаков закусывал, но все равно перевод получался невнятным и требовал чрезвычайного напряжения слуха у любителей запрещенного зарубежного кино. Тело Сильвии Кристель, переименованное создателями фильма в «Эммануэль», вошло в наше сознание в сопровождении его, горчаковского взволнованного после сыра голоса. Эти фильмы передавались «молочной почтой». Кассеты точь-в-точь помещались в разрезанный пластиковый пакет из-под молока (тогда были такие) и после камуфляжа перешли незаметно из рук в руки.

Да что тайные физики! Даже на официальные фестивальные просмотры их, синхронистов, вели длинными коридорами мимо каких-то складских помещений, будки кинемеханика и усаживали в темную комнату перед трофейным микрофоном «Телефункен» 1932 года выпуска. Еще в комнате имелось квадратное отверстие 50 на 50 сантиметров. В эту дырку синхронист и должен был смотреть фестивальное кино, а в микрофон доносить до нас смысл и диалоги.

Платили тогда за эту работу 5 рублей, да и то нужно было подписать бумагу, что читал по монтажным листам, которых Горчаков и другие в глаза не видели. Может, их и не было вовсе. А когда были, так лучше б и не было. Монтажный лист — это осуществленный на бумаге перевод диалогов фильма. Получая такой

лист на Ташкентском фестивале, московские синхронисты падали со стульев, настолько замечательно корявым был перевод, сделанный силами местной интеллигенции, сплошь состоявшей из симпатичных жен и дочерей среднеазиатских руководителей.

Дублирование фильмов на большом экране — дело более ответственное, чем дублирование пиратских кассет. Но и его «новые физики» были людьми интересной судьбы. Ведь время от времени их ловила социалистическая милиция, а порой и советское КГБ. Тогда вызывали и Горчакова. «А что, — вступал в диалог с социалистической милицией синхронист Василий Овидиевич, — в меня три стакана влили, я и стал им переводить. Дальше не помню». Впрочем, приходили новые физики, а к ним постепенно приходило понимание, что качество перевода зависит даже не от качества дефицитной сырокопченой колбасы для переводчика, а от параметров аппаратуры. Техника совершенствовалась. На смену монстрам приходили японские аппараты.

Полевая работа

На этот раз мы переводили фильм о Хемингуэе. Работа была приятной. Хотя весь фильм состоит из множества частей и длится часов шесть, но в ходе них замечательно выясняется, что знаменитый писатель был ленив, писал мало, а вот это... чаевничал много. Что Васю радовало. Не один мы. На тре-

тьем часу я уверенно вырывал микрофон и переводил особо нравящееся мне «О — о кей?», что означало каждый раз разное. Добрая треть всех диалогов всех американских фильмов вообще состоит из этой фразы. А если учесть, что американские фильмы составляют добрых три четверти всех фильмов в мире и уж тем более нашего видеорынка, то, зная перевод этой популярной фразы (ну и еще уже приведенный неприличный глагол и ругательное восклицание «shit!»), также понимая язык жестов и мимики, можно смело садиться за синхрон.

Правда, Горчаков оспаривает это мое открытие.

Выводы и результаты

1. Первые переводчики, взявшиеся за видеофильмы, появились четверть века назад, но и сегодня главная видеоархаика столицы — рынок на Горбушке называет среди бестселлеров все тех же Володарского, Горчакова, Гаврилова.

2. Лично Горчаков перевел около 5000 фильмов. Причем некоторые даже по нескольким десяткам раз. Искусство синхрониста — всегда импровизация.

3. В пятницу Горчаков уезжает переводить на «Кинотавр». «Мне, — сказал он, — нужен одноместный номер в гостинице, большие деньги в день и удобная кабина для работы». «Все дадим, Василий Овидиевич, — сказали в оргкомитете, — только не отказывайтесь». А он и не отказывается. Чай в Сочи хороший. Краснодарский.

4. Дальше опять не помню. Но в горле першит.